

Ркарл:
21 harfehr
2009 uru
Выходит с
21 декабря
2009 года

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВ: КУБАНСКАЯ БАЛАЧКА.
ПИСЬМЕННАЯ ТРАДИЦИЯ ИВАН КАРАСЕВ :
ВИДМЕДЬ МИТРОФАН ДИКАРЁВ: САЛДАТ И
МЭРТВЯКЫ СТЕПАН ДЕРЕВЯНКО:
ВЕЛОСИПЕД АНДРЕЙ РУДЕНКО: СТРАЗЫ
СТАНИСЛАВ КОСТЕНКО: КОДЫ ТО ИГОРЬ
ЯСИНСКИЙ: ВАМПАЧКА А. ЛЯХ:
КУМ СПЭЧЭННЫЙ С САЛОМ И
ГОРИЛКОЙ

слецвыпуск

asa#193нание

ALOEGNABR | ЖУРНАЛ СКОРОМЫСЛИЯ НА ЯЗЫКЕ АРАХАУ

«Степь
и станица –
начало начал.
К парню
прижалась
дивчина-казачка:
– Хиба ж ты не чуяв,
як пивень кричав?
Вплетается
в русскую мову
балачка».

Анатолий Знаменский, «Здравствуй, Кубань!»

asa#19 знание спецвыпуск

На обложке: работа Валерии Полевой «Казачьи думки».

Kereibr (Автор идеи)

Ihoro Ahanero (Иван Карасев)

Kvavafabr (Главный редактор)

Ihoro Ahiniro (Игорь Васильев)

Kūzau (Верстка)

Ihoro Ahanero (Иван Карасев)

Kvarfaz (Литературный редактор)

Ihoro Ahiniro (Игорь Ясинский)

Assagese (Творческий совет)

Oharo Ehinaro (Ольга Веснина)

Ahaniharo Ohonyeharо (Наталья Лободырева)

Ahero Uhanoro (Павел Уваров)

Ответственный за спецвыпуск - Игорь Васильев

Редакция контролирует соблюдение авторских прав.

Перепечатка материалов только с официального разрешения редакции.

E-mail: rbardalzo@yandex.ru

Электронная версия журнала: www.arahau.ucoz.ru

Журнал издается на пожертвования Сообщества Арахау.

Печать цифровая.

Тираж ограниченный

г. Краснодар, сентябрь, 2015, #19

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВ, Краснодар

Кубанская балачка.

Письменная традиция

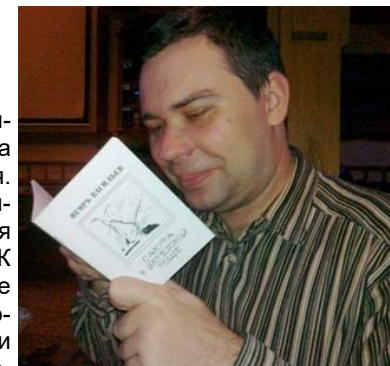
Кубанская балачка – диалект русского языка с украинской языковой основой. Лексика балачки – как украинская, так и русская. Большое число слов из лексического фонда балачки характерны и для нее, и для украинских, и для южнорусских говоров. К тому же лексический фонд балачки крайне подвижен и неустойчив. Один и тот же носитель диалекта может в разных случаях (и даже во время одной и той же беседы) использовать разные слова. Различен уровень владения балачкой и у различных носителей диалекта. Близость балачки к украинскому языку неодинакова на разных территориях бытования. В Приазовье она значительно выше, в Закубанье – зачастую ниже. Хотя уровень развития балачки нередко зависит от конкретного населенного пункта или конкретного человека. Так, одна из самых известных носителей балачки – Людмила Пащенко (руководитель этнокультурного общества «Скрыня саратовской казачки») родом из закубанской станицы Саратовской.

Зачастую определить принадлежность балачки к русскому или украинскому языку затруднительно, во многом по причине текучести и неоднородности. Поэтому принадлежность балачки определяется на основе самосознания носителей диалекта, а оно однозначно является русским. К этим выводам пришли такие известные диалектологи, как С.А. Мызников и О.Г. Борисова. Балачка сформировалась в последней четверти XIX в. после массовой миграции великороссов на территории, ранее заселенные кубанскими малороссами, что происходило одновременно с быстрым развитием на Кубани русскоязычного образования. Все это шло на фоне быстрого экономического роста местной промышленности, а также сельского хозяйства и сопровождалось быстрым расширением сферы бытования русского языка, русскоязычного документооборота.

Эти процессы происходили на фоне этнизации кубанского казачества, формирования субэтнуса кубанских казаков. В развитии балачки последней четверти XIX – первой четверти XX вв. проявились две взаимосвязанные тенденции – обрусение и формирование особого «кубанского языка». Уже в период так называемой украинизации в 1926 г. публично раздавались призывы изучать кубанский язык, а не украинский.

Однако уровень этнизации кубанского казачества не получил дальнейшего импульса и в течении XX столетия колебался между субэтносом, этнографической группой и снова субэтносом. Балачка осталась диалектом и пошла по пути дальнейшей русификации.

Однако в наследство от времен этнизации у балачки сохранился статус письменного диалекта. Еще в дореволюционный период, в начале XX в. на балачке создавались стихотворные и прозаические тексты (А. Пивень, И. Косиненко), агитационные листовки (антиправительственная листовка Революцион-

ной украинской партии (РУП), 1905 г.). В период гражданской войны создавались официальные документы (Приговор №7 станичного схода станицы Старонижестеблиевской, 1919 г.), эпиграфика (надпись в память генерала Маркова, составленная в 1919 году жителями хутора Шкуринского).

Памятники на балачке не являются текстами нормативного литературного языка. Например, в них «плавающий» лексический состав, даже в одном тексте, в одном и том же значении могли употребляться различные слова. По мнению диалектолога О.Г. Борисовой, письменная балачка ближе всего к т.н. «малограмотному» или «наивному» письму.

Обычно, авторы, работавшие с балачкой, старались воспроизводить народную речь, как это делал А. Пивень. Однако, как и во многих недосформированных языках или диалектах, тексты на балачке могут различаться в зависимости от авторов; появляются «авторские версии» диалекта, создаваемые филологами и писателями. Именно такой версией является балачка современного кубанских писателей А. Руденко и С. Костенко. И до революции, и в наше время создаются произведения на литературном русском языке, в которые вставлены диалоги и прямая речь на балачке (Н. Канивецкий, И. Косинов, Ф. Деревянко).

Существует мнение, что письменных диалектов нет, потому что быть не может. Диалекты могут быть только бесписьменными. При этом ссылаются на корифея отечественной этнолингвистики Н.И. Толстого и др. В целом это мнение верно для большинства диалектов. Но абсолютных теорий в современной гуманитарной науке не существует. В ней на сегодняшний день феноменология явно преобладает над типологией. Например, существуют различные переходные формы между «идеальными типами» языка и диалекта. Поэтому одни из самых обоснованных теорий подразумевают массу исключений. И балачка – одно из них., что подтверждают конкретные факты.

Песня закубанца

(Относится к восстанию Урупского полка во время первой Русской революции, записывал И. Косиненко, станица Ключевая)

Пісня закубанця.

Не гнівайся на нас Царю / Не всі вінуваті, / Що меж нами обявілись / Зраднікі прокляті. / На все війско п'ятно черне / Вони положили / И кубанців честне имня / Соромом поккрыли / Клянемося своєю кров'яю / Оте п'ятно змыты / Щоб Твою пріязнь и ласку / Знову заслужыты»

Эпиграфическая надпись

29 января 1919 года жители хутора Шкуринского решили назвать свой хутор в честь белого генерала Маркова Шкурино-Марковским. И поставить памятник с надписью: «Нызабуваемому нами старому козакови Генералу Маркову, якый в минуты гнета на нас со стороны большевиков прыйшов од ых спасти». Памятник не поставили, но текст составили*.

* ГАКК. Ф. 583. Оп. 3. Д. 12. Л. 780–781.

МИТРОФАН ДИКАРЕВ (1854-1899), Екатеринодар

Салдат и мэртвакы

(Из «Чорноморськи народни казкы и анекдоты»)

У нас, у Павливський станыци, салдат е, росказуе, як вин ходэ хрыстосувать ця з мыртвякымы.

– Набыру, – каже, – багато пысанок у кышеню, та як ото дочитають ця до Хрыста, я й пиду на кладовыще, и пороскладаю ти крашанкы по моголках. Тоди говорю:

– Хрыстос воскрес!

Колы впервэ скажу – воны мовчать, и вдругэ скажу – мовчать, а як в-трэте скажу:

– Хрыстос воскрес!

так наче витэрэць подуе мимо тэбэ:

– Во истыну воскрес!

Тоди вин знов пидэ до вутрыни. Як посвятять паскы, вин оддае паску жинци, щоб до дому однысла, а сам знов идэ на кладовыще: так, каже, вже ныма тых крашанок.

Вин ище росказуе, як псалтыр читав над мэртваком. Ишов вин с службы, прыйшов у одну хатыну, попросыв ся ночувать, а там мыртвяк лыжить. Жинка попрохала його почитать псалтыр. Став вин читать, а жинка выйшла с хаты, пишла на хутир (ныдалэко був од цый хаты).

Читав вин, читав, колы зырк у гору, аж там коло сволока стылына зирвана. Вин зараз догадав ся, що це калдун (чи як их там называють). Вин до двырэй, хотив утикты, колы двэри з-надвору пидпэрти.

Що тут робыть? Никуды вылизты! Вин подумав-быв кочиргою одбывать ця од мыртвяка, як устанэ; так од його кочиргою ны одобесь ся. Вин тоди сив коло порога, закурив люльку, аж свиту божого ны выдно, а в руках псалтыр дыржить.

Колы дывыть ця: встае той мыртвяк та до його та як ухватэ його за полу – так и одшматував усю полу. А той салдат як опырище мыртвяка по голови псалтырэм, той мыртвяк зараз и простяг ся, и бильш уже ны вставав.

СТЕПАН ДЕРЕВЯНКО, ст. Каневская

Велосипед

У бабы Клавы, пенсионерки, не старой еще женщины, украли велосипед. Она оставила его у дверей магазина в райцентре, зашла буквально на две минуты купить хлеб, вышла и увидела, как на ее велосипеде удаляется какая-то женщина. У бабы Клавы подкосились ноги. Она без сил опустилась на порожки, выронив хлеб, протянула вслед воровке руку и крикнула: «Ку-да?». Крика не получилось – голос исчез. Все же она смогла собраться с силами, чтобы подняться. Стыдно было сидеть на мокрых грязных порожках, еще подумают: «Бомжиха какая-то». И когда поднялась, ее будто током ударила мысль: «Там же, на руле, в пакете пенсионное удостоверение и паспорт! Она ж ехала узнавать про

пенсию!». Мысль эта вернула ей силы, и она побежала следом, крича: «Воровка! Бессовестная!». Теперь ее было слышно. Даже хорошо слышно, отчего две проходившие по улице девицы оглянулись, и одна другой сказала:

– Крыша, что ль, поехала у бабки, распатлалась...

А она действительно на бегу потеряла платок, седой узел на затылке распался, и редкие волосы, которые она старалась чужим не показывать из-за того что редкие, растрепал холодный ветер.

До красивой иномарки добежала баба Клава и больше не смогла – сильно забухало сердце. Но она все же увидела, как воровка свернула на греблю, чтобы переехать речку в другую часть станицы. «Гребля и дорога туда одна, а если догнать на машине?». Эта вторая, казалось, счастливая мысль заставила ее обратиться к водителю иномарки, представительному мужику средних лет. Он слушал в салоне музыку и курил, опустив стекло.

– Дядечка! Помогите ради Христа! Давайте догоним женщину на гребле, она украли мой велосипед! – взмолилась баба Клава.

– Чего? – переспросил мужик, то ли поняв ее, то ли не поняв.

– Догоним женщину, дядечка, ради Христа..., – умоляюще повторила баба Клава.

– А оно мне надо? – выдал ей мужик, стрельнув окурком, – На это менты есть.

– Да где ж та милиция...

– В отделе, бабка. Там сидит, зад греет.

Слезы брызнули из глаз женщины. От безысходности, от бессилия. Ну можно ж догнать! Господи, что за люди пошли... Ноги у бабы Клавы опять ослабели, и она, шатаясь и хватаясь за штакетины забора, поплелась в милицию. Но мужику в иномарке все-таки высказала:

– Бездушный вы человек, дядечка. А Господь усэ баче.

Когда волновалась, баба Клава часто, сама того не замечая, переходила на балачку. Мужик только хмыкнул.

Дверь в райотдел была закрыта. За нею стоял сержант с автоматом, дежурный, и открывал ее заходящим и выходящим людям в форме и без формы, тоже, видимо, милиционерам. Баба Клава обратилась к одному такому, высоченному, с большой звездой на погонах:

– Скажите, пожалуйста, до кого можно обратыця?

Офицер на ходу показал на автоматчика. Она постучалась в стеклянную дверь. Сержант ее уже заметил – трудно было не заметить расхристанную тетку, открыл дверь и спросил:

-Вам к кому?

– Ны знаю, сынок, лисапет у мэнэ вкралы.

– Давайте паспорт, я вас запишу и пропущу.

– Так и паспорт вкралы.

– Без паспорта впустить не имею права.

И дежурный закрыл дверь

– Божечки! Шо за люды, шо за милиция, шо ж мини робыть! – заплакала и запричитала баба Клава.

Но никто из проходящих на ее плач не обратил внимания. Немного успокоившись, она присела на скамью вблизи дверей, собрала в узел волосы и только теперь вспомнила, что покупала хлеб, но куда подевалась та булка, вспомнить не смогла. Какое-то время она посидела так, заглядывая просящее в глаза милиционерам и надеясь, что кто-нибудь ее заметит и поможет, но таких не находилось. Нужно было идти домой. Начался дождь со снегом.

По дороге ей встречались знакомые, которые здоровались и смотрели странно – от чего она в холод с непокрытой головой? Баба Клава машинально отвечала, едва их замечая. И только когда услышала голос кума, пришла в себя.

– Клавочка, ты шо ж, мое сэрдэнько, брыдэшь смурна, як та туча? Случилось чего?

– Случилось. Только ты, кум, ничем не можешь.

И она опять, сбившись на балачку, рассказала про свою беду. Выслушав, кум попытался ее успокоить:

– Та цэ ны горе, сэрдэнько мое. Паспорт, може, ще пидкынуть, а ни – другый дадуть, пенсию и без того удостоверения носять, а лисапет, як хочишь, я тоби свий отдам. Ни горюй тильки. И давай я тоби платок найду.

От велосипеда и платка она отказалась. Кум был человек добрый, сердечный, хорошие слова сказал, но легче бабе Клаве не стало. Она всплакнула и пошла дальше.

Домой добрела с трудом. И пока она шла, дождь перестал, а снег пошел гуще. Под ногами, где не было тротуара, мялась снеж–но-грязевая каша. Пальтишко на плечах бабы Клавы подмокло, стало зябко. Издали она увидела мужа, выглядывавшего ее у калитки, и подумала, что сейчас спросит, где она «шалалась».

– Дэ ж ты стильки шалалась, старая? Я вже хотив в милицию подавать, – спросил муж.

– В милиции и була.

– Тю... А лисапет дэ?

– Вкралы лисапет! И паспорт, и пенсионнэ! Всэ вкралы, шо ще тоби казать?

Дед Иван вытаращил глаза.

– Ты спытай, хто вкрав, а нэ вылупляй очи.

– Хто? Пацан якыйсь?

– Якбы ж. Женщина. Пид мою комплекцию. В спыну тильки бачила, но ны молода.

– Тю... Свит пырывырнувся, показылысь люды...

– Ото ж. А ты – дэ шалалась...

В общем, дома баба Клава не успокоилась, а завелась, раздергала себя, и к вечеру деду Ивану пришлось вызывать сына, потому что баба Клава заявила: «Мабуть до утра ны доживу».

Сын примчался сразу и с испуганным лицом предстал перед матерью – отец по телефону ничего не объяснил. Баба Клава лежала на кровати бледная, в комнате пахло валерьянкой.

– Мама, ты что это надумала, с батьком, что ли, поругались? Давай вызову «Скорую».

Баба Клава глянула на сына сердито, даже зло, и ответила:

– Нычего мы ны ругалысь, и ны нада твоя «Скора».

Звякнула щеколда, и зашел в дом отец.

– Лисапет у нэи вкралы, с документамы. Ны замкнула, стара сорока, – прояснил отец.

– Велосипед? И помирать из-за него? Да я тебе завтра куплю новый, мама, ты чего? – сын чуть не «зашелся» от такой новости.

– Ны тильки лисапет, а ще паспорт и пенсионнэ, – сказала баба Клава, глядя в потолок.

– Ну и что? Сейчас позвоню, кому надо, и выдадут тебе новый паспорт, а хочешь, даже заграничный! – сказал сын и улыбнулся, у него отлегло на сердце. Он был большим начальником и одним из лидеров местной правящей партии. Сын тут же позвонил.

– Ну вот, всего дела-то. Завтра сходишь в райотдел, – сын назвал кабинет и фамилию, – и там все сделают. А пенсионное – мелочи. Решу. Не переживай только.

– В милиции я вжэ була, – сказала баба Клава, будто не слыша сына.

– И что?

– Мэнэ туда ны пустылы биз паспорта.

– Так скажешь, что ты моя мать и идешь к такому-то, тебя пустят.

– А если б я ны була твоя маты, так мэнэ б опять оттуда наладылы? И шо цэ у вас за власть така, шо женщина у женщины крадэ лисапет? Ныща у ныщей?

– Время, мать, такое: нищий ворует у нищего, а богатый – и у богатого, и у нищего.

– А куда ж твоя партия дывыця? Чи тоже – дэ б у кого шо вкрасы? Мини цэй лисапет колхоз подарыв, як на пенсию йшла. Дорогий вин мини, сорок годив я в брыгади спыну гнула, тэбэ выростылы и вывчылы с батьком, и ны в кого за жисть я на понюшку табаку нычего ны вкрала! – баба Клава поднесла к лицу сына сжатые два пальца, будто держа в них ту самую понюшку, – За шо ж мэнэ обикралы?

– Что сделаешь, мам. Поменялась жизнь, поменялись люди. И кому-то понадобился твой старенький велосипед. Значит, той женщине живется хуже, чем тебе. Считай, что ты ее спонсировала. Но завтра я куплю тебе новый, тоже спонсирую тебя, – сказал, улыбнувшись, сын.

– Ны нужен мини твий лисапет, мини мий нужен, – сказала баба Клава и отвернулась к стене.

– Твой не найдут, и искать его не будут. Так что не убивайся, мам, ничего страшного не произошло. Будет у тебя велосипед.

– А вона, раззява, забудэ его замкнуть, – влез в разговор отец.

– Так на дви ж мынуточки оставыла! – простерла к иконе руки баба Клава и опять расплакалась.

Сын, поговорив еще с отцом, уехал домой. Дед Иван согрел чаю, предложил бабе Клаве, но она отказалась, сказав: «Сам пый, хоть залыйся своим чаем». Дед смолчал, напился и полез на свою кровать. Что-то побурчал и захрапел. А баба Клава опять накапала валерьянки, потом набухала еще раз, но сон не приходил. К полуночи усилился ветер, началась метель, и сухая акация у дома противно заскрипела, совсем как намазанная цепь ее велосипеда. Так и промаялась баба Клава без сна всю ночь.

Утром позвонил сын и сказал, что в десять часов ее ждут в милиции. Она собралась и пошла. Дед Иван поглядел ей вслед, и ему показалось, что пальто у его Клавы на плечах пообвисло, а спина ссутулилась, хотя вчера такое не замечалось.

– Ох-ох-ох, старэнька ты моя..., – произнес он, глотнув подступивший комок.

В милиции баба Клава назвалась матерью Николая Ивановича, ее провели, куда надо, и сделали все, что следует, даже предложили домой отвезти, но легче ей не стало, и злость на милицию не прошла. На душе было погано. Она зашла в тот самый несчастливый магазин, купила хлеб и побрела по снежку домой через пустой парк, берегом речки, за огородами – чтоб никого не видеть. И пока ее не было дома, привезли в упаковке велосипед. Дед Иван поставил его в летней кухне, и когда баба Клава пришла, сказал об этом, но она на спонсорскую помощь сына даже не посмотрела.

ИВАН КАРАСЕВ, Краснодар

Видмедь

В одной станице жил мужик. И любив вин прыбирацца ведмедем и полохаты станичников. Надине, було, ведмежу шукуру и засяде у крыници. Увэчэри йдуть бабы за водою, а вин на них з куштив як зарычит. Ти – врассыпную, а мужику рыгот.

Особливо любив мужик выходыты на дорогу и полохаты зайижджих подорожников. Так, заполохае йих до смэрти и вэсэлыця, у ладки бйэ.

Зализ якось мужик пид мист и став чекаты, хтось по нему пыйдэ. Ось бачит, йдэ по мосту чоловик з сывымы волоссямы и в усему черному. Кыданулся до него мужик и закрычав ведмедем. Але путнык анитрохы нэ заполохался, тильки брова одна трохи прыдзвэлася.

– Тю, сущий ведмедь, – казав вин, сумно посмихнувшись, – ведмедь ты и е. Казав и пишол соби прэч.

Здивувався мужик, хотив було надогнаты путныка, та завалився на карачки. Спробував скинуты з сэбэ ведмежу шукуру, але не тут-то було.

Побачив мужик свое видраження у тыхий ричцы та так и обмир. И понеслося понад лисом рычанья справжнего старого ведмедя.

АНДРЕЙ РУДЕНКО, пос. Красный лес, Краснодарский край

Стразы

Ой, полюбляють на Кубани жинкы стразы. Чаривнэ заворожывэ слово «Сваровски» уведыть у ступор цилэ поколиння молодых дивчат. Конкистадоры показувалы индианцям блыскучи намыста и минялы их на лис и зэмли. Двисти год тому за фальшиви диаманты рубалы головы, а тэпэр цэ крутый бизнес. Куды тико их нэ чипляють. На тэлэфоны и планшеты, на волосья и нигти, на одяг и взуття, на сумкы, калькуляторы, на руль и на номэр, на ви и на зубы.

Ой, як же нэ выстачае на Кубани магазына страз. Гуляетэ по улыци Красной, а отут надпыс «Стразы» и выложеный надпыс тэж зи страз. Заходытэ, а там: продавщицы в стразах, на прылавках стразы гиркамы и продавщицы совочкамы насыпають кому и скикы яких трэба. И писня шоб звучала про стразы. А спивала писню шоб Верка Сердючка. Догадайтэся чому самэ вона або вин. Черэда стояла б як у мавзолэй до Ленина, просты Господи. Толпы дивчат дэнь и нич выбыралы бы и прымирялы, мацалы и купувалы бы стразы. Выходылы и заходылы по колу знову.

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВ, Краснодар

Вин и Вын

(Знакомство с балачкой)

– Мыхаловна, та вин напывся! То ж и влетив! У стовб, ага, влетив! Прямо оттуда!

– На мотоцикле на своем? Не убился-то хоть!

– Та ша пьяному зробытсья! То Андрюшка йихав як чоловик, шиесят киломитров! И вбывся! Камазист проклятый!

Такой диалог между своей бабушкой и тетей Раей, ее соседкой, слышал я когда-то пятилетним. А так же много других разговоров. С ней и другими старушками и немолодыми тетками с улицы Демьяна Бедного.

В них всегда присутствовали существа из волшебного, героического мира. Звали их Вин и Вын. Они были не чета какому-нибудь обычному Андрюшке, которого на скорости шестьдесят километров убивал камазист. Они умели, например, влетать на мотоцикле внутрь столба. И что они там делали? Пожилые женщины многозначительно молчали. Потом им, конечно носили в больницу оладыкы, как простым смертным. Но игра стоила свеч! Тем более, что потом Вин или Вын «ловыли отакого сазанчуку» или ехали «у Сыбырь за рублем».

Иногда в разговорах появлялась их сестрица, Вона. Но ее жизнь была не столь яркой. То «загуляв», то «когось привэздэ».

А бабушка вставляла в этот чудесный мир какие-то обыденные, но тоже чудесные подробности. «Заживет у Харлампа! Шкура молодая! Пидесят годов тока!». Так и представлялось, как немолодой уже, солидный грек Константин Харлампович после болезни или происшествия обрастает молодой шкурой. Пятнистой, как у гепарда Пипы из книг супругов Адамсон...

Сёнрю

з горыща
небо выдать
хмары у гости

гарба
у стенки тулытся
двадцать пэрвый вик

дид у колыткы
костыли обнимае
дэ вын?

ИГОРЬ ЯСИНСКИЙ, Краснодар

Вампачка

Ни для кого нэ сэкрэт, шо вампиры сами собою нэ народжуються, а нымы стають, пэрэтворючысь из нормальных людэй. Якшо в когось высмокталы кров або просто тэбэ вкусылы, навить лэґко, то практычно завсигда внэсэный аналог вирусу. Поздоровляем! Организм тэпэр пэрэробляється, пивторы-два тыжни, и ты наш. И зовсим, зовсим! – другый. Схожий мэтэлык на пэрвоначальну гусэныцю? Так отож...

Цього разу Сава продрых замість покладэных у його случаю 80 годочкив, лит на двадцять бильше.

Бувае. Зымы булы на ридкисть холоднише одна другой, та й об'явися вин того разу забагато. Трое рыбалок в унисон хропылы у багаття, у Куту, на кручи, пид плакучимы вэрбамаы, нэ звэртаючысь нияк на конкурэнтыв– комарив, яки спробувалы кризь дым прорватися до пьяных физиономий. Умьять вкупэ трьох! А шо, из продуктамы в будь-який час дэфицит. Поки вдало нарвався на пьяну трийку, довэлося помандрувать по всий округи пару тыжнив, аж брюхо почало зводить. До цього ваще! – колы город, закладэный ныжче за тэчию, був бильшою мирою нэ камяный, а дэрэвьяный, из роботою вдалося подхарчитися якоюсь старою казачкою, пробравшись до той у выглядя пацюка. Смак у цией дуркы, яка выжила з розуму, був настильки поганым, шо часом отрыжка прямо назад лизла. Та й «за неимением гербовой», як балакалы ще в часы людыны Савы Стецько, колы той з напивдысцыплинованою оравою, трясучи осэлэдцем, скоряв тутэшни тэж напивдыки мисця. Потим вже, колы стрилянына з пицалей и шабэльного свысту тохы поурыхла, якось глыбоко за пивнич, Саву вкусылы за холку. Нэтопыр? Так нэ нэтопыр, а сами вже догадались хто. Можна, звычайно, було выявять вправнисть и хутко одкынуть тварыну рукою, та й дило у тому, шо руки в Савы в той момэнт булы зайняты – вин ховав пид сорочкою гусака, якого стягнув у наказного атамана и затыскав птаху дзьоба.

От з того и почалося...

Це всэ брэхня, колы грят, шо вампиры тильки и роблять, шо йидять и йидять, кажной ночи йидять. От, подумайтэ сами, хиба можна бэзпэрэрвно жрать та жрать? От-так, туды-сюды, и зхарчишь всю округу, а про тэбэ узнають! Будуть тэбэ шукать, и як нэ круты, майже стопудово знайдуть. Тому прырода розпорядылася экономно: натрискався – и одпочивай соби до упору! Нэвже, погано?

Сава йшов самэ цией едыно вирною, прямою дорогою. Кого вин схомячив упэрвэ, юный вампырчик памьятав, та й, погано – хвылювався попэрвой. Мабудь, це був замкнэный у сараи полонэный. Потим була бабка, а останний раз – пьяни рыбалкы. Послужный спысок тилькы одкрывався.

Ось то цей... Алкоголь... Це для людэй горилка – як нэктар для бджил або говно для мух. А от нормальному, сэредньостатыстычному вампиру така дрянь нэ то, шоб смэртэльно погана, та й явно нэпотрибна. Тэж од йи дуриеш, тильки задоволення ниякого, та й опохмильный стан ранком дратуе, як и положено. Фу, гьдота.

Колышний казак Сава Стецько потягнувся у своему дупли. У роти, нэзважачи на сотню лит, гьдко кыслыло рыбацькою самогонкою. Сава сплюнув назовни в зоряне нэбо и почухався кошлатою лапою.

Його тило из самого початку пэрэробылося як до мисця, дэ доводылося ховатися – лису. Взагали – то тэпэр цю тварюку було прыйнято называть нэ якось так нэзрозумыло вампиром, а бильш конкретно – лисовыком. Колышних дивок и бабив у подиб-

ных случаях имэнувалы дриадамы, а якшо ти ховалысь по лисовых ставках або болотах – русалкамы.

Життя, а точнише сказать, активна мэнопауза – слов– то таких лисовык Сава нэ знав, та й интуитивно почував, шо до чого – звычайно, попроститише, ниж у людэй. Одноразова жрачка в пьятдэсят – сто лит, а пэрэд нэю – охота, активна охота. Часом, из тилиснымы пэрэвилэннямы – у одных вампирив на короткый час пэрэтворюватися з русалкы або, допустым, наяды в ижачка або там чэрэпашку дуже навить нэпогано выходить. Потим пообидалы – и глыбокый сон. Спокойного дня! Трэба, втим, пояснить, шо думка, начебто вампиры бодрствують тилькы вночи, вирна лыше почасты. Одны добрэ сэбэ почувають и вдэнь залэжно од индивидуальных особлывостэй и знов-таки, твого статусу. Бильшисть лисовыкив люблять тинь. Та й Сава миг валандатыся и удэнь, волюючи втим, всэ-таки затинэни, нэосвитлэни, тыхы мисця.

Звычайно, якшо вже зовсим чесно, то – нудота. Та й шо робыть? И так зи столиття в столиття бэз усякой романтикы.

Плюсы, однак, тэж булы. Якшо поведытыся обэрэжно, з оглядкою, нэ вытыкатися, а головнэ – головнэ! – знайты добрый схрон, тоди можна жить мм...мм...мм... выживать, ну, дуже довго. Ходыть слух, шо дэсь засив одын ще из часив, колы людэ у пэчерах сыдили. Так-то! Втим, таких случаив одыныци, а може, до тогож, и взагали брэхня. Та й в остаточному пидсумку однаково рано або пизно одповлять и – осыковый кил або щипка, хоч и случитися це може через пьятсот лит або тышу.

У людэй тэж свои нэгатывы. От, наказного атамана, гусаком якого останний раз полудски поласував Сава в байраку, горци ухандокалы через тыждэнь, голову пид час бою знэслы, обибралы до ныткы и пропалы. Вэсэло? Нэ скажи... Або пожить багато, горилкы попыть, до баб пид спидныци пополазыть, митко палыть по ворогу, здобуваючи славу, та й швыдко згынуть. Або – спокойно, розмирэно, по-накатаной, иты по дороги здорового харчування и глыбокого сна. Сикось–накось, кому – як. Тут головнэ – повторю ще раз – якшо йдэш другою дорогою, добросовистно сховатися, а це – проблэма. Кажный поважачий сэбэ вампык знае, шо ховатися на кладовыцях – поганэ дило,

там шукають и знаходять. То ж самэ и до пидвалив, горыщ, сараив. Иты нада за город або сэло, у бэзлюднисть. Лис! Звычайно, зискочить од погони можна и у чисто полэ, та й адже це позорыще – копать соби логово в скифскому кургани. У лиси ж завсигда можна выбрать дэрэво з дуплом на выбир, особлыво якшо там живут осы, а ще лучче – шершни: ниякий дурэнь нэ сунэться.

Сава высунув з дупла морду и оглянувся.

Ранкова прохолода злэгка подсковала прокынувшегося писля довгой спячки Саву – це колы ты спыш, то холод тоби по мяякому мисцю, а сьогоднишний ранок був свижим. З боку ричкы доносылыся голосы.

– И шо ж це такэ? – з балачкы це пэрэводылося як «И что это такое?».

А всэ було простише парэной рипы – розважачються. Дийсно, шо можна робыть на бэрэгу рикы, як нэ ловыть рыбу або розважачються?

Их отут була цила купа. Двое dorosлых людэй, пары досыть молодых, и по людских канолах явно прываблывых дам, та й купа дитворы. Одын из чоловикив возывся з багаттям, жинкы уткнулы лыца в кастрюли, потим стали нанызувать на шомполы шматкы мяса. В сторону Савы понэсло дымком. Швыдше за всэ, дэ людского нюху, крим вэгэтарянций, смак був прыемный. Тилькы Сава йго нэ почував, вампирив взагали-то цикавыть тилькы людска кров. Та й кров воны чують нэ носом, а по химичному складу.

Двое або трое дытынчат возылыся в прыбэрэжнэму писку, зводылы шось тыпу замка або крипости. Нымы командувала вже майже доросла старша сэстра – указувала, дэ прорыць канал, стину наростыць, шапочкы дитям поправляла.

Сава бильше зацікавыя другый чововик, нэ той, якый костровав. Другый, на админу од коротэня-пэрвого, був добрэ скроены, моторный и, бэзсумнівно, сыльный фізычно – а це самэ смачнэ. Його тило, якому можна было даць лит сорок або лэдвэ бильше, почало чуть помитно абростатэ пэрвым жирком, шо, втім, зовсім нэ впадало в око. Пикантно. З його и почнэм!

Ясно, шо усих нэ зысьць. Максимум трьох, може ще – когось из дитэй. Другых покушать, шоб продукт нэ пропав, а головнэ – языком шоб нэ трипалы.

Гоп! Од уважного погляду Савы, до його глыбокого розчарування, нэ выслызнуло, шо и отут доросли, крим, втім, хвыгурыстого, збіраюцца напыватыся – у сэрэдыни розстэлэной на трави скатэртны из усякыма харчамы, була выставлэна бутылэ (сулия).

«Водка або горилка» – констатувала думка вампіра або то, шо зараз прэдаствалэя аналог його колышних думок.

До його подыву и нэсподиваной радості, його пэрвэ блюдо од радо протягнэной чаркы одказалосэ. А ще билия ричкы закрутылосэ якэсь дило. Харч дистав из мэтэлэвой карэты из чотырма пухкымы, чорнымы колисамы, шось, и писля короткых манипуляцый, прэма як грыб у тэплу, дощову погоду, вырис човэн (дуб). Точно так само, як оком змыгнуть, майже шо низвидкы, выпручалыся з малэнькых тонкых чурочек довги, прэма вудкы.

«Эгэ-ж, ловыць рыбу будэ» – рэзонно догадався Сава, удывляючыся у манипуляцыи його харчей, яки його цікавляць, чи нэ напаловыну высунувшыся из дупла. У цей момэнт вин найбильше вьсого нагадував енота або шось такэ схоже, хоч еноты в округи зроду нэ водылыся.

Дитвора писля харчування попэрэмінно из продуженням стройкы ганялася за мэтэлыкамы и пид доглядом усэ той ж старшой сэстры радисно плэскалася на милководди, нэ заходячы, втім, далэко. Их же тато з надувным човном и снастьама пройшов трохы ввэрх за тэчию, потим одплыв, и колы знову поривнявся зи своїмы, заякырывся, пэрэжынув швартовый на бэрэг и прыйнявся ловыць рыбу.

Сава стэжив.

И отут вдрух рыбалка ризко, надто ризко пидсик и колы вэлыка рыба стримко повэла убик, нэ удэржався, впав, шубовснудся за борт и выявывся пид пэрэвэрнэным човном (дубом).

От, нэпрыемно. Та й, взагали-то, по правди сказаць, ничего сэрыозного. Снасти пидвьязани до човна, човэн прышвартованы, до бэрэга нэдалэко. А шо впав пид човэн – тэж дурныця, якшо худо-бидно плаваеш, трохы поднырни, одштовхныся од борта и чеши до бэрэга – усэ-то дило!

Тилькы цых момэнтыв колышній казачура Савва Стеценко, а ныни ясно хто, нэ знав або подзапамьятовав, выходячы з важлывости момэнту. Ще б: довгоочыкуваному сніданку загрожуэ нэбэзпэка!

Та й в цей момэнт сніданок дийсно сплеховав: вин якымось образом зумив зачепытыся хлястыком (темляком) витровкы за карабынчик човна, и застряг у води так як нэдбайлывэ каченятко. И ніхто, зовсім ніхто, ніякый собака на бэрэгу нэ почув це... За дамочкамы галантно доглядав коротэнь, пидсуваючы вси нови и нови порцыи пропэченого на угиллях мяска, нэ забуваючы и пидлыватэ. Дитвори вдалосэ пиймать вэлыку зэлэну ящирку, и кампанія з вэрэском и гыканням носылася з той, довившы рэптылю до нэпрытомного стану.

Та й найшовся другый собака. Як оком змыгнуть, пэрэтворывшыся з енота у двирского кобэля, Сава, нэ роздумуючы, кынувся на помоч.

Якый-нэбудэ дурэнь скаже, шо можна було Савы, ничтоже сумняшесэ (нитрохы нэ вагаючыся), прорватыся до тила, прокусыць сонну артэрию або ярэмну вэну – та й по вьсьому. Та й от хто в курси, ти знаюць, шо вампіры у води нэ кусаюць. Зараз же нада було пидсобыть, помоч выбратыся на бэрэг, на всякый случай. До свого нэсказанного подыву, Сава навить одчув сэбэ почасты людыною – очэвидно якісь крохы совисти з його оболонкы покы ще до кинця нэ улэтучылыся. Та й скорыше отут зроботав элэмэнтарный прагматызм. Вин, зибрав вси свои сылы, кынувся до плаваючого тила, упывся в хлястык зубамы, вiddэр його од поганого карабынчика и потягнув рыбалку до бэрэга.

– Ой, тато! – завэрэщала оката старша дочка и сунулася, було, у воду, та й нэй выпэрэдыв другый учаснык кампаніи, той, шо розважава дам. Соколом вин зирвався из прыбэрэжной смарагдовой травычкы и, нэ роздумуючы, в одэжы, кынувся до товариша, схопыв того за комир и тэж потяг. На бэрэгу згуртовалыся и кудахталы, так як куры, нэ зовсім розумуючы шо одбуваецэся, жинкы и диты.

Усього лыше килька сэкунд знадобылосэ людям, шоб одчуты дно. Рыба на той час, само собою, обирвала мотузку.

– Всэ, всэ, Пэтро. Стою, – фыркаючы и зплювываючы, казав рыбалка. – Цуцык, одпусты мэнэ, – додав вин, звэртаючыся до Савы, якый продужав тягнуць и грэсты.

– Як це ж, як тэбэ угораздыло пэрэвэрнутыся? – скороговоркою пробалакав умыць ставший твэрэзым Пэтро, пиддэржуючы товариша, або хто там той йому доводывся, пид ликоть.

Черэз пивминуты вси вже скупчылыся на писку у самого бэрэга. Одна з жинок збыраласэ зарэвить, друга охала. Пэтро криво посмихався, поглядаючы на скатэртину-самобранку. Диты тупцювалы тэж отут.

– Ну добрэ, ничего страшного и нэ було, – уже спокойным тоном проговорыв рыбалка, шо взагали-то и було правдою.

Килькома сэкундамы раныше, уже на бэрэгу, чорный кобэль розтыснуд зубы, выпустыв хлястык и видийшов трохы вбик.

«Добрэ, добрэ, Трошкы попозаспокояцься, попоутыхнуты, и – почнэм» – рэзонно подумав вин и, обтрусывшыся, обдав прысутным фонтаном брызив.

– Ой! – завэрэщалы дамы.

– А цей собачка тэбэ, тато, тягнув, – пропыщала дивчинка з бантыком, од балачкы з якой в ящиркы одвалывся хвист.

Вдрух вси пэрэмкнулыся на собаку.

– Звидкы вин отут узьявся? Я тилькы побачив, як шо-то чорнэ до воды сквозануло, – вытрищив ока Пэтро – Добрый хлопэц, – тыкнув вин пальцем у пса.

Хлопэц прысыв и засукав пэрэднымы лапамы.

– Дядько Владык, а собачка нэ вкусыць? – пыскнув збоку хто-тэ из самых малэнькых.

– У ніякому рази, – одповив зи знанням дила дядько Владык.

Сава у выгяди собаки трохы було нэ розрэготався, обмэжившыся жвавым вылянням хвоста.

– Цей пэсик добрый. Вин прыбиг тата выручать, – поясныв рыбалка – Владыслав.

У цей момэнт в одней з жинок, звидкы нэ вьдомо, выявывся в руках махровый рушнык и та скынулася було отыратэ лыце бидному рыбалкы.

– Ой, нэ парся Эммочка, – простягнув той посмихаючыся и рэготнув. – Собачка, гэть, замисць жинкы, пэрвой кынулася рятувать...

Пэсик всим вiddано заглядав в очи. Мабудэ, Сава в роль увийшов стопудово. Псу тэж посмихалыся и смыкалы за холку. Той усэ ще нэ миг оддыхатыся и заковтував повитря ротом. Здаецэся, з його языка впалы дви або тры крапэлыкы слыны.

Отут вдрух навпроты кобэлька опынылася старша из сэстэр, яка командувала всэй дрибнотою, покы доросли по-своему одтягались. Юна особа обхопыла тварыну за шию и прыгорнула до сэбэ.

У Савы одбувся шлунковый спазм, та й вин здэржався.

– А ты його поцилуй, дочко, – розплився посмихаючись Владыслав, який жартував. До нього явно вэртався гарный настроий.

– А от визьму и поцилую. Запросто! – тупнула нижкою пидростаюча красуня, и... од души цмокнула псыну прямо в мокрый нис. – Це тоби за тэ, шо тата вытягнув.

...Потим, пэрэмкнувши на собаку очи, начебто самэ вона була головным цвяхом програмы, уси пса тыскалы. Активно, та й бэзглуздо пхалы ий пид нис жратву. Дитвора килька разив намагалася Саву осидлать. Потим, швыдше за всэ, позначилася пэрэнапруга й зайвий интэрэс з боку людэй – собаку почало похыгувать. Тварына килька разив лягала на зэмлю, клала голову на пэрэдни лапы.

– А собачка наша утомылася и баиньки хоче, – констатовала Эмма и писля того, як просушенный гумовый човэн упакувалы в багажник Сави зробылы гниздэчко пид найблыжчим кущем из заготовленого кымсь травостою. Так турботлива дитвора собачку ще и плэдом накрыла, шоб та зигрилася.

...Колы юна дочка рыбалкы – Владыслава цмокнула собаку, а точнише, якбы-собаку в нис, шось видбулося. Спочатку начебто электрычний заряд пройшовся по всьому тилу вампа у выгляд пса, потим у його голови вынык якийсь далэкий, подибный до комарыного, пыск. Дали зьявылося запаморочення, пэрэд очамы почало мыготыть усэ яскравише и яскравише. Бум! У мозку, або шо там було на його мисци, ударыло на сполох. Нэбо почало завалюватися. Сава хотив сказать «гав», та й язык його вже нэ слухався. «Запрягайтэ, хлопцы, конэй!...» – донэслось, здавалося, из глыбыны сториц...

...Колы вэсэла кампания, уже блыжче до вэчора, почала повэртатися, до нэобьякого подыву всих – дэхто на час навить нэ змиг говорыть– пид плэдом, замисть собаки, мырно посапував добрый молодэц...зовсим голый. Колы його розштвхалы, вин був явно пэрэляканий и няк нэ миг пояснить, як вин отут опыныся. Высловлюватися вин намагався на якимсь нэзвычайному, явно застарилому диалэкти и дуже турбувався своей наготы. Владыслав и Пэтро пэрэодяглы його в шось, шо было пид рукою, а блыжче до ночи одвэзлы хлопця, який трохы прыйшов до тямы .

...Всэ мае у свити пояснэння, якшо глыбоко пошукать. От як мэтэлык стае мэтэлыком? Спочатку одкладаються яйця, з яйця вылупыться гусэныця, яка потим плэтэ кокон и пэрэтворюеться в лялэчку. А вже з кокона, колы прыйдэ час, вылупыться мэтэлык. Цилых чотыры послидовных звина ланцюжка. Та й адже якшо е одын на прямок, то пры одповидных умовах можлыво напэвно, и зворотнэ? Як створыть таки умовы и потрібность створэння таких умов – це вже другэ пытання.

Та й стопудово видно, шо якшо хтось у сылу обставын поцилуе вампира щиро, од души, а ще краще сказать – од усього сэрця, то цым включить зворотный процес. Звычайно, такэ бувае нэчасто, зовсим навить нэчасто...

...Из Савою розбыралыся дэ трэба. З ным возылыся спэцыалисты. Докопатыся, звидкы вин и шо вин, так? втим, нэ вдалось: килка тэм мынулого життя в нього одбыло гэть-чисто. А про шо памьятав – так, по дрибнычках – взагали сам начебто забув и дэржав языка за зубамы. Затэ хлопцем вин выявывся нэ тилькы сымпатычным, та й й надзвычайно тямущим, усэ схоплював одразу и через дэякий час став класным шохвэрэм, хлопчика пэрэймэнувалы на Мыколу – двома родынамы имья выбыралы. Вин з Пэтро и Владыславом Дмытрычим, якого новозпэченый Микола кльче нэ просто абы як, а татом, любыть порыбальть. А ще в нього и Ксюшы, дочкы Владыслава двое прэкрасных хлопчикив– погодок. Втим, це вже друга история.

(Перевод с русского литературного на балачку А. Руденко)

СТАНИСЛАВ КОСТЕНКО, Краснодар

Коды то

(Отрывок)

Коды то, у дюжэ давнишных годах, ище коды трохы хто с козаков маив бажання витать у Зэмлях Кубанских, ище коды тэ зэмлы блазнылысь нашим прэдкам дыкымы, ище коды помэж козакамы та ардюкамы люпки нэ було, стряслась водна интэрэсна прыгода.

Смандрувалысь як-то тры козака-глэка, Сашко, Юрко та Юхым, полынуть у черкасский гай, шо по другу сторону Кубани-рэчкы, до ардюкыв. Забажались козакам вызнать яку у людэй у тэх зэмлях звычайи, як воны там живут, як баштакыв воны встрычають. Атож тэпэрыча можно, затэм шо оцы зэмли государским наказом государя Росыйского е Кубань родна. А родну зэмлю поробно знать до остатного дрэва.

Прыйшлы козаки до бэрэгу Кубани-рэчкы. Час ужэ позный був, ужэ смэркаться стало. Годи пэрэстрывать та стан вкопувать. Хоть и нэ бачилы козаки нэякой хмары у том, шоб лынуть до черкасыв зарас, но лучче погодыть до утру. Вдосвэта дослэдовать зэмлю ардюкыв будэмэ набогато лыпшэ.

Вкопувалы козаки стан, повэчерялы мандрывачной пэрэпычкой, сбылысь докупы навколо богатыцы та почалы вытрындыкувать: гарны пэсны спывалы та казкы талалаялы. Копотко часы йшлы, а козаки усэ спывалы та талалаялы, покы нэ захотэлось козакам лягать, и Юхым почав талалаять послэдно казку на ноняшню ноч:

«Ну тэпэрыча послухайтэ, хлопцы, одну интэрэсну бувальщину, яку мэнэ моя бабка смалку казывала.

Коды то у одной малой станыцэ жилы два брата с бабкой. Спалы на комыши, убого жилы. Бабка своих дытэй мылувала. Тики стара була. Выпав коды-то такой случай. Пойшла базарювать та дытэй тож узьяла.

От йдуть воны по кладкэ черэз рэчку, а там свыня нэ звэсно видкиль выгасала. Хрюкает, рыкает, очамы искрыть... А рыло у нэй, як лыцэ людско, тики пятак свынячий замэсто кырпы.

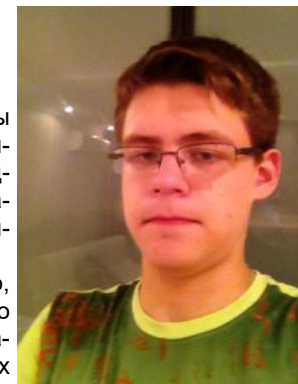
Бабка нэ стушувалась. Як гаркнэть: йды видсиль, тварына така! Та ище тычиной посварылась. Свыня, бэзсумлывно, слынула, но помрыялось братам, шо людским голосом тыхо казала бабкэ: На сэбэ подывысь, хрычина стара...

Нэякой хмары у оцэм братам нэ сбачилось, спогадалы, шо тики помрыялось, та пойшлы сэбэ, куды сбыралысь...

Так и жилы, а тики прыйшов час вмэрать бабкэ. Ну от и вмэрла... Станычныы братам подсобылы панахыду провэсты. Почалы браты самы жить. Тэпэрыча базарювать самы ходылы, дэньгы заробывалы.

Но почалысь посля смэрты бабки чудны случаи: ляжуть браты ночью почивать, а у хатэ нэ прыбрано. Встають сранку, а у хатэ чепурысто усэ, навродэ хто-то тут прыбрався...

Так и на утору ноч посля смэрты стряслось. А на трэттю ноч запрагнылось братам побачить, хто оцэ усэ робыть. Прыдурылысь воны, шо лягають, а са-

мы годють. У повноч отчиныьлысь у хату двэры та бабка йихня заходыть, яка вмэрла ужэ!

Подойшла до кровати, братыв кодрой укрыла, а сама пойшла у хатэ прыбыраться. К утру развязалась та смандрувалась до сэбэ, у могылу. Лэжать браты, острах йих узьяв... Коды очяпалысь, шарпанулы до станычной ворожки, спытать, як бабку свою утыхомырыть. Вона йим и повэдала: натрушуйтэ кругом хаты стики солы, скикы у вас е. Коды бабка ваша опять до вас прыйдэмэ, то вона спынытсьямэ, шоб кажну мажисытку солы слычить. А вы из хаты плазуйтэ та вкругаля быжитэ до гробкыв. Там, дэ могыла бабки вашэй, вам поробно вырыть ямки у оцых мыстынах, дэ кэбэта, руки та дрыгы бабки вашэй. Туды натрушуйтэ вашу послэдню соль та у хату вэртайтэсь. Бабка до утру кажну мажисытку слычить нэ успыемэ. До своей могылы пойдэмэ, ляжить та утыхомырытсьямэ. Так браты и сробылы. Уноч черэз окно сплазали та усэ, шо от ворожки слухалы, сробылы. И билишэ йих бабка у хатэ нэкоды нэ заявлялась».

Закончив свою казку Юхым, а Сашко говорыть:

– Начорта такы казкы талалаять, дэ остраху доката? Повэдав бы яку добру бувальщину, бэз чортовщины. Но нэ, ты бэз оцэго нэяк...

А Юхым йому говорыть:

– Оцэ я сгодыв, як ты лонис у станыцэ казывав нам, яка твоя покойна бабка чудна була.

Нэможно, Сашко, над вмэршыми дороганямы кптытьсья... А то прыйдэмэ до тэбэ бабка твоя, як до тэх братыв та почнэмэ сказытьсья. Оця бувальщина – тэбэ урок.

Уси зарэготалы. Тут и Юрко заговорыв:

– Бэзсумльвно, братцы, почивать час. На новый дэнь пойдэмэм за Кубань та вызнаемэм, як там у ардюкыв. Лягайтэ.

Заспокойтэсь! Угомониьлысь козаки, хмыл сгасылы та поляглы.

А. ЛЯХ, ст. Уманская

Кум спэчэнный с салом и горилкой

Литом, покы жинка, рачки, бурякы колхозни полэ, по телехвону погукайтэ сво-го кума, прэдварительно убидывшись, шо кума уйихала в станыцю с хрэсны-цею чобиткы купувать на осинь (колы вона ще будэ, та осинь), и прыгласыть його до сэбэ у садочок покурыть, ще трэба сказать, шоб вин заразом узьяв пачку «Прымы» и сирныкы.

Як выкурытэ по дви цыгаркы, Вы, як-бы нэвзначай, прыдложитэ кумови пэрэ-кусыть (вин зроду нэ откажетьсья, хочь и зранку, вжэ снидав). Дэмонстративно видчиняйтэ холодильник, одын хрэн там ничего нэма, но обязательно, шоб кум цэ побачив. Так як вин вже пустыв сплуну(як индык сок на жаровни), ска-жить, шоб вин нэ журывсья, а сбигав до дому и прихватыв чэтвэртну пляшку горилкы, ту, шо кума вчора у вашой жинци позычила, шоб седни повычерять и обмыть станычни покупкы. Дополнительно сообщите, шо сами бачилы як вона, т.е. кума, тую пляшку у колодязь спустьыла. Но кажитэ так, шоб кум нэ чувствовав сэбэ, як собака нэ в своей шкури, зробить выд шо вы думаетэ,шо, кума пляшку спустьыла нахолонуть, а нэ тэ, шоб вид кума заховать. Сами нэ забудьтэ, дать йому ще сапэтку, бо ему, мабудь, нэ вдобно будэ горилку в руках нэсты, сапэтку дайтэ побильше, лучьшишь видерну, бо зная своего кума, вы нэ единожды убеждаьлысь шо вин, ще шо нэбудь с дому прихватэ...

Вы ж, скорись бижитэ на грядку, зирвить чотыри бурих помадора, вырвить шисть рыдысын, нарвить пырчив зэлэной молодой цыбульки, пэтрушечки, укрпичику, часнычку та пару огирочкив... Картоплю не пидрывайтэ, сыру йии вы жэрты нэ станэтэ, а варыть никоьлы, та й кум може подумать, шо вы пры-нэслы тую бульбу шоб похвастать. Нэ портить йому настроение...

Вэрнувшись у садок трэба вытэрти овочи ... кстати пидийде жинкин халат развишанный сушытысь с другой стиркою...

Првьэжитэ до будкы свога собаку «Сирка», бо вин можэ пойисты прыготов-лэнни овочи.Пидтянить пид жердэлю старый вулык с повыздыхавшымы зи-мой бджеламы, и на його крышци разложить овочи. Поставтэ гранчатни ста-каны на дви пэрсоны, постэлить газету «Степные зори» (бэз программы), ту шо кума вчора забула, прэдварительно одирвав половыну страныць и однэ-снить остатни страныци у нужнык, може кум схочэ... Бо бумагы там сроду нэ бувае, одрывный калэндэрь коньчивсья (новый позапрошлогодьний, их сын пять штук з Ростова прывиз, накрав мабудь...), а лопухы вы позавчора повы-косылы... Дали, сядьтэ у холодочку и чикайтэ кума...

Чэрэз пив часа прыйдэ вспотивший кум. Нэ спишитэ распытувать його, шо вин прэнис, дайтэ йому рыдысыну хай макае в силь и йисть, а сами закурыть цыгарку попутно зробыв выд шо пэрэтыраетэ стаканы...Прывстаньтэ, як бы похыльнувшись нэ нароком зачипить сапэтку... В ответ на рэплыку кума: «Дывысь пид ногы...», отвичайтэ: «А ты якого хера порасставляв всэ доли, шо тоби на вулыку миста мало?»

Писля таких ласкавих рэчэй можно выставляты продукты.

В пэрву очэрэдь достаньтэ прынэсэнного салыца кусочок (с коровий носочок). Зразу зрижете половыну шкуркы и кыньтэ своему собаки, шоб Сирко нэ скиг-лыв, вин до цего вже проковтнув, недойижену кумом, пусту рыдысыну.

Нарижтэ сальцэ тонэсэнкымы ломтичкамы, нэ сошкрибая сіль, давлэнный часнычок и чорный пэрчик. Выложить ци кусочки на наризаний (другым ножком), кумом хлиб. Звэрху покладить пэтрушечку и укрипчик и займьтсья чисткой молодого часнычка. Кум нэхай риже помадорчики и огирочки, мелко нэ трэба, на дви части и хватэ... ище хай посыпэ сілью. Рыдыску так як вона пуста, кынтьэ Сиркови.

Начинайтэ готовку вышеозначенного главного ынгрыдиента.

Розльв по нэполному (по рисочку) стакану холоднэсэнкой горилочки из запотевшей чэвэрты, заткнить ии кукурузянным качаном, и нэ давая открыть куму рота, скажить свий любымый тост: « Шобы йилось и пылось, щоб хотилось и моглось!», чокнувшись з кумом, опрокыньте содержимое стакана соби у горло. Зразу нэ закусойтэ, хочь и пэчэ, почикайтэ покы кум цидэ скризь зубы горилку, або жэрты попэрэд гостя, нэвдобно. Потим, заразом с кумом, стэпэнно съижте прыготовлэнный «гамбургэр», хотя Ваш тэсть на його каже «кубаньбургер». Выкурить по цыгарки, попутно збрэхав парочку анэкдотив – розльйтэ по другий.

Пид тост кума (нэ важно якый), опрокыньтэ стакан по раннее означенной схэми, закусить огирочком, лучком або помадорчиком, кума можно нэ чикать покы вин цидэ.

Як шо куму прыспичило до нужныку, закурить, а замитыв шо кум загружен проблэмамы, кынтьэ Сиркови кусок хлиба и остававшуюся на салови шкуруку ... и налывайтэ

Выпыв трэтий святыт тост, за тих кого нэма, помыная батькив, (в кого помэрлы), дидив, бабушок и седняшнего прэдсэдателя колхоза, закусить цыгаркамы и налыйтэ по чэвэртой.

Выпыйтэ... и поочэрэди поцилував Сирка, одвьэжить його, хай побигае, качок потопче... Закурыв побалакайтэ, чога у Вас в цему годи, нэ будэ мэду. Зробыв вывод, шо бджелы подохлы вид сахарю, якый тэща чимсь отроила, бо, думала, шо вы будэдэтэ бражку нэвыгнану жэрты.... налывайтэ по пъятой Ваш кум, закусыв нэ наризаным салом, пэрэд тим як выпыть, остатний кусок кынув Сирку, а Вы заив падлюшней нэдозрилой жэрдэлей, довжни затянуть писню «Прощай ты Уманьска станыця...» Сирко выводэ трэтьим голосом....

Выпываитэ « На коня» по шостому стакану, плыснув остаткы собакови.

Всэ, блюдо готово, Кум спикся...

Пидишэдьши, пид очэрэдну писню, жинка с кумою, подають вам троим дэсэрт.

Ынгрыдиенты:

Кум с пачкой «Прымы» и сирныкамы

Вы з овочамаы и сапэткой

Нэ дуже злый собака

Чэвэртьна пляшка горилкы

Сальца кусочок с коровий носочок

На дэсэрт жинка з кумою.

forum.fstanitsa.ru

Гимн Кубани на языке Арахау

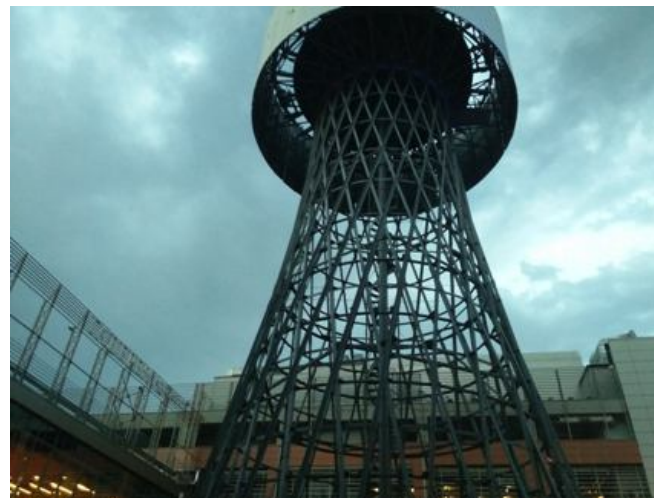
Народная песня «Ты, Кубань, Ты наша Родина» (принята, как гимн Краснодарского края кубанским парламентом 24 марта 1995 года). написана в 1914 году на русско-турецком фронте. Она была посвящена казакам 1-го Кавказского казачьего полка в память о боевой славе в годы Первой мировой войны. Автор слов – полковой священник Константин Образцов.

Текст песни написан в виде приветственного послания, коллективного письма на Кубань. Казаки вспоминают «про станицы вольные, про родной отцовский дом» и бьются насмерть с «врагом-басурманином», чтоб жила их святая родина.

Сначала песня исполнялась в небольшом кругу фронтовиков. Через год-два ее запели все кубанские подразделения действующей армии. В период гражданской войны она была официальным гимном Кубанской рады и Кубанской народной республики. И в годы Великой Отечественной песня поднимала боевой дух казаков и вместе с ними прошла победный путь от берегов Кубани до Эльбы.

Ты, Кубань, ты наша Родина,
Вековой наш богатырь!
Многоводная, раздольная
Разлилась ты вдаль и вширь.
Из далеких стран полуденных,
Из заморской стороны
Бьем челом тебе, родимая,
Твои верные сыны.
О тебе здесь вспоминаючи,
Песню дружно мы поем
Про твои станицы вольные,
Про родной отцовский дом.
О тебе здесь вспоминаючи,
Как о матери родной,
На врага, на басурманина
Мы идем на смертный бой.
О тебе здесь вспоминаючи,
За тебя ль не постоять,
За твою ли славу старую
Жизнь свою ли не отдать?
Мы, как дань свою покорную,
От прославленных знамен
Шлем тебе, Кубань родимая,
До сырой земли поклон.

SusKuban, susedett,
Ttazgurs!
Zü, zö,
Süspaklacaka.
Saadgobrera,
Ttesbraköh, gada,
Plelegadlagökl,
Plödl.
Ttarasbazar,
Cottassarnoh
Da'staanic'nala,
Dfagadagabad.
Ttarkazalkorrogaraif,
Cottassarnorrajgada.
Cottassarnoh,
Dolélsoh,
Doloismak?
Hotuozn
Ttahzesbrakö,
Hotoh, Kubangada,
Hoilstogois
Dlaalejgoz.

Шуховская Башня в Краснодаре. Фото Ивана Карасева

Шуховская башня

Шуховская башня в Краснодаре (Рашпильная башня) – визитная карточка кубанской столицы – стальная ажурная гиперболическая конструкция, сетчатая водонапорная башня. Построена в 1929-32 гг. по проекту инженера Владимира Шухова.

Шухов изобрел способ устройства сетчатых гиперболических башен (патент Российской империи № 1896 от 12 марта 1899 г., заявлен 11 января 1896 г.). Первая в мире гиперболическая башня была построена Шуховым на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. Принцип устройства гиперболических башен Шухов использовал в сотнях сооружений: водонапорных башнях, опорах линий электропередач, мачтах военных кораблей. Новые гиперболические башни, соответствующие его патенту, сегодня построены в Японии (Kobe Port Tower), Швейцарии (Цюрих) и Испании (аэропорт Барселоны).

В 90-е годы бак для воды сняли и на башню установили рекламные щиты.

С недавних пор Шуховская башня стала частью торгового центра «Галерея» (на пересечении улиц В. Головатого и Рашпилевской). Под ней расположится ресторанный дворик. Таким образом достопримечательность с трех сторон закрыта от просмотра.

Обложка этого номера нашего журнала оформлена работой Валерии Полеевой «Казачьи думки».